

О буднях, становящихся историей

Авторское посвящение к вышедшей в Свердловске книге К. Лагунова «Жажда бури» ясно определяет содержание: «Всем, кто открыл, поднял из болот, огранил трудом нефтяную жемчужину Страны Советов — Самотлор...»

Константин Лагунов — писатель, последовательно и упорно разрабатывающий тему хозяйственного освоения Западной Сибири. Живя в Тюмени, он близко знает всю историю зарождения и развития нефтяных и газовых промыслов Приобского Севера, не раз выступал в печати с очерками о Сургуте, Самотлоре, использовал почерпнутый в этом регионе материал и в художественных произведениях.

«Жажда бури», как обозначено в подзаголовке, — документальная повесть. Но в этой книге сделана попытка соединить строго документальное, очерковое начало с линиями беллетристическими, героев реальных — с героями собирательными. Эти последние «вживлены» в обстоятельства, где действуют члены известного в стране рабочего коллектива. Безусловно, задача, которую поставил перед собой прозаик, сложна, для ее выполнения необходим большой художественный такт. Далеко не во всем К. Лагунов добивается убедительности, органичности изображения. В коллизиях «личного», семейно-бытового характера — а они являются уделом вымышленных персонажей — отмечаешь дань банальности, погрешности против вкуса. Но вот документальные страницы, как правило, интересны. Такие страницы — основа произведения, они в конечном счете и определяют его успех.

Подкупает увлеченность, с какой повествуется о буднях, становящихся историей, о создании в течение последнего десятилетия крупнейшей нефтегазодобывающей базы страны. Зримо представляешь трудности, сопровождавшие этот процесс. Представляешь степень государственной, патриотической ответственности людей и тот дух первооткрывательства, что живет в душе геологов, буровиков, нефтяников.

Вот одна из удачных страниц, передающих это: «Шестой год Хлюпин на Севере. Один из зачинателей Нижнеартловска. Ехал сюда на три года. Пока полторы недели загорали на палубе тихоходной баржи, переводили табак да изумлялись увиденному, Хлюпин странным, непостижимым образом уразумел вдруг, какая это машина — Сибирь! И от мысли, что предстоит

ему здесь сотворить своими руками, становилось жарко». И дальше о чувстве, которому «не придумали еще названия» и благодаря которому герой «сразу и безоговорочно уверовал в богатырский дух еще не родившегося сибирского нефтяного Муромца». И еще «от ощущения слитности судьбы своей с судьбой нефтяного великана Хлюпина наполняла бунтующая радость и ненасытная, неуемная жажда дела».

Подобному изображению душевного состояния веришь, оно дано свободно, на широком дыхании. И надо сказать, что не однажды писателю удается с достоверностью приоткрывать мир своих реальных героев. Привлекательные, запоминающиеся штрихи есть, к примеру, в образе знатного бригадира Г. М. Лёвина, во всей атмосфере жизни его бригады. Кульминацией здесь правомерно, пожалуй, считать эпизод, где возникает разговор о рабочем счастье. «Счастливы ты», — говорят Лёвину, передавая ему поздравления из Москвы в связи с трудовой победой. «Согласен, — отвечает тот. — ...Только с одной оговоркой. Счастье свое мы отлили сами. Своими руками...» В глуби справедливости этих слов убеждаешься на многих страницах повести, раскрывающих сущность рабочей инициативы и сознательности — качеств, которые облагораживают, возвышают личность.

Читая книгу, видишь: это партия спаяла «дерзкую силу, поднимающую Самотлор», это в партийных комитетах с самого начала концентрировались все непростые проблемы, требовавшие неотложных и смелых решений. Примечательна, колоритна фигура секретаря горкома В. В. Бахилова, коренного сибиряка, хорошо показан размах его деятельности, настойчивость в борьбе за осуществление социальных программ.

Помнится, в одном из произведений Г. Маркова секретарь горкома в таких словах выражает свое кредо: «Я должен по долгу, возложенному на меня, во все вносить справедливость». Емкое это определение хорошо соотносится с духом того, что изображено в повести «Жажда бури».

Книга К. Лагунова, как уже сказано, имеет свои (и подчас немалые) недостатки. Однако там, где писатель погружается в конкретный, насущный жизненный материал, возникают удачи, и в целом его работа представляется своевременной и полезной.

М. СИНЕЛЬНИКОВ.

ТРУД
г. Москва
17 ОКТ 1982